

ОТНОШЕНИЕ К ЕВРОСОЮЗУ: ОПАСНОСТЬ РАСКОЛА ШВЕЙЦАРСКОГО ОБЩЕСТВА

Елена Карсанова*

Олег Волгин**

DOI 10.24833/2073-8420-2018-2-47-70-78

Введение. Процессы, происходящие в Европе, делают актуальным исследование социальных, культурных и политических особенностей немецкоязычного электората Швейцарии, который выражает неоднозначное отношение к перспективам включения страны в Европейский союз.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе теоретического и эмпирического анализа швейцарских тематических источников и литературы, исторического, системного, компаративного и бихевиористского метода, а также корреляционного анализа, что позволило определить причинные связи и дифференцирующие признаки этно-лингвистических швейцарских общностей, вычленить и оценить факторы в наибольшей степени воздействующие на их отношение к Евросоюзу.

Результаты исследования. Швейцарский электорат разделяет глубоко укоренившуюся приверженность политическим институтам Швейцарии. Нейтралитет, федерализм и прямая демократия пользуются всенародной поддержкой во всем этнолингвистическом многообразии страны и многие швейцарские евроскептики настаивают на том, что членство в ЕС будет несовместимо с политическими традициями конфедерации. Однако неприятие членства в ЕС усугубляется более специфическими факторами, которые обусловлены особой политической и культурной позицией германоязычных швейцарцев, подавляющее большинство которых, в отличие от франкоязычного электората, последовательно выступает против вступления в Европейский Союз. Представляется, что достаточно высокий уровень неприятия германоязычным электоратом членства в ЕС можно объяснить с точки зрения двух основных факторов: с одной стороны, все швейцарцы принадлежат государству, которое, как известно, не имеет общекультурных атрибутов, что делает их более уязвимыми перед институциональными амбициями Европейского Союза; с другой стороны, как германоязычные швейцарцы, они принадлежат к этнолингвистической территориальной единице, этнокультурные границы которой не имеют институционального подкрепления. Сжатый в таком объективном политико-институциональном и этнолингвистическом формате, германоязычный электорат приобрел латентное чувство уязвимости и национально-эсклюзивное построение идентичности, которое можно рассматривать как основу евроскептицизма.

* **Карсанова Елена Созрикеевна**, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ

ORCID ID: 0000-0002-3000-8009

e-mail: e_karsanova@mail.ru

** **Волгин Олег Степанович**, доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления МГИМО МИД России

ORCID ID: 0000-0002-0156-8234

e-mail: oleg.volgin@gmail.com

Обсуждение и заключение. ЕС хочет уточнить контуры своих отношений со Швейцарией, но чем более настойчивой будет становиться амбициозная риторика Евросоюза, тем больше вероятность, что германоязычный электорат будет воспринимать евроинтеграцию как угрозу собственной идентичности, и тем сильнее будет его решимость оставаться вне его границ. Учитывая, что германоязычные швейцарцы превосходят численностью своих франкоговорящих соотечественников более чем три к одному, Швейцария останется в стороне от ЕС в обозримом будущем.

Введение

В 1989 году Европейский Союз предложил концепцию Европейской экономической зоны (ЕАЭС), которая должна была позволить государствам активно участвовать в едином европейском рынке. Швейцарское правительство подписало Соглашение ЕАЭС в 1992 году. Однако на референдуме 6 декабря 1992 года при рекордном участии избирателей (около 80%) предложение было отклонено 50,3% швейцарскими избирателями и 18 с половиной кантонов (из 26), хотя правительство, бизнес-лидеры и профсоюзы в значительной степени поддерживали идею более тесных связей с ЕС. Результаты референдума продемонстрировали явный этнолингвистический разрыв во мнениях между франкоязычной частью Швейцарии (более 70% избирателей выступали за присоединение) и немецкоязычной частью страны и Тичино (около 40% избирателей)¹.

Со времени «провала» референдума по ЕАЭС разрыв между двумя основными этнолингвистическими группами по этому вопросу остается центральной темой публичных дебатов. Более того, раскол по «европейскому вопросу» провоцирует напряжение между франко- и германоязычными швейцарцами - не в той степени, чтобы угрожать этнополитической стабильности страны, но достаточно для того, чтобы подорвать амплуа успешной полиэтнической федерации.

Нельзя не согласиться с тезисом, высказанным в статье Р.В. Енгибаряна, Ю.А. Карауловой и В.В. Селезновой «Новолиберализм и глобализм – родные сестры», что «европейская демократия и толерантность – самая разобщенная и рыхлая среди других аналогичных политических структур – оказалась перед жесточайшим испытанием». [3. С. 4]. В

случае Швейцарии, где все ключевые политические и социальные вопросы решаются всеобщим голосованием граждан, испытание приходит в первую очередь со стороны этно-лингвистических особенностей швейцарского населения.

Бесспорно, респектабельная привязанность к политическим институтам и гражданским практикам в Швейцарии сильна по обе стороны этнолингвистического разрыва. Франкоязычные швейцарцы не в меньшей мере привержены к столь почитаемым политическим и гражданским основам своей страны (нейтралитет, федерализм и «референдарная» демократия) [15. С. 44-45], как и их германоязычные соотечественники, но при этом обнаруживают гораздо более оптимистичный настрой относительно членства в ЕС. Следовательно, франкоязычный электорат не воспринимает приобретение швейцарцами элементов европейских практик как угрозу их собственной идентичности и институциональным основам страны в той же степени, что и швейцарцы, говорящие по-немецки. Другими словами, франкоязычный еврооптимизм не может быть объяснен более низкой привязанностью к почитаемым швейцарским институтам и гражданским практикам или менее развитым чувством «быть швейцарцем». Почему же тогда франкоязычные швейцарцы могут легче согласовать «швейцарские ценности» с членством в ЕС, чем их немецкоязычные соотечественники?

Исследование

Многовековой опыт Швейцарии убедительно демонстрирует ту особенность живой государственности, что полезность для членов общества не ограничивается экономическим или политическим интересом, но

¹ European Election Database // http://eed.nsd.uib.no/webview/index.jsp?study=http://129.177.90.166:80/obj/fStudy/CHREF1992_Display&mode=cube&v=2&cube=http://129.177.90.166:80/obj/fCube/CHREF1992_Display_C1&top=yes (Дата обращения 01.04.2018).

и предполагает возможность участия населения во власти. Более существенным является потребность людей в культурной самоидентификации. В ней основа того обязательного условия общественного договора, которую Ж.-Ж. Руссо определил как автономию индивида. Культурная самоидентификация предполагает не только причастность индивида к определенному культурному сообществу, но и защиту традиций, обычаев, способа мировосприятия данного сообщества, что все находит выражение в его лингвистической культуре, ибо язык, если использовать ставшее афоризмом выражение М. Хайдеггера, «есть дом бытия».

Поэтому, когда мы ищем ответ на вопрос, почему в семнадцати германоязычных кантонах Швейцарии преобладает негативное отношение к членству в ЕС, то вероятней всего, большая часть ответа связана с своеобразной культурной и этнолингвистической позицией швейцарско-германского общества, которая резко отличается от их франкоязычных оппонентов.

С точки зрения исторического контекста, между германо- и италоязычными швейцарцами, с одной стороны, и франкоязычными, с другой – можно заметить не профилирующую, но все же существенную разницу в том, что во время Второй мировой войны Гитлер и Муссолини вынашивали планы присоединения «родственных» регионов Швейцарии к своим государствам. Старшее поколение швейцарцев еще помнит звучащий по радио во время нацистского режима лозунг: «Die Schweiz, das kleine Stachelschwein, nehmen wir auf dem Ruckweg ein!» (Швейцария - маленький дикобраз, давайте возьмем его на обратном пути)². После аншлюса Австрии в марте 1938 года именно немецкоязычные СМИ Швейцарии стали единственным рупором, обличающим нацистскую идеологию. Швейцарский оборонительный синдром проявился и во время «холодной войны», когда конфедерация последовательно дистанцировалась от формирования западноевропейских интеграционных структур и членства в ООН. Единственной интеграционной структурой, к которой решила примкнуть Швейцария в 1960 году была Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), которая была исключительно экономическим союзом без каких-либо значимых наднациональных институтов. В 1990-е годы Швейцария, стремясь сохранить статус нейтрального государства,

проявляла интерес разве что к участию в программах по содействию международной безопасности.

Стремление обезопасить свой конституционный механизм побуждало швейцарский электорат и правительственные круги конфедерации занять выжидательную позицию даже в вопросах международного сотрудничества в гуманитарной сфере. Лишь после острейших дебатов швейцарский парламент ратифицировал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека (1966г.). Даже сегодня, несмотря на тесные экономические связи Швейцарии с южногерманскими землями (Баварией и Баден-Вюртембергом), различные политические и исторические переживания и страх потери государственной (кантональной) независимости продолжают играть заметную роль при формировании взглядов на внешнюю и интеграционную политику конфедерации у большинства немецкоязычных швейцарцев.

Сегодня швейцарские немцы независимо от региона проживания и социального происхождения двуязычны, поскольку используют как швейцарско-германский, так и стандартный/письменный немецкий язык (high german/schriftdeutsch) [20. С. 35-40; 21. С. 389-401]. Стандартный/письменный немецкий - язык, на котором читают и пишут, - это первый иностранный язык, на котором швейцарские немцы должны начинать учиться в школе. При этом, каждый регион - даже каждый город или деревня - говорит на своем собственном диалекте, с которыми германоязычные швейцарцы идентифицируют себя больше, чем с самой Швейцарией. Более того, швейцарско-германский язык не имеет стандартного, понятного для всех швейцарских немцев письменного языка. Швейцарский немецкий является языком вербального общения, в то время как schriftdeutsch, напротив, применяется в официальных практиках (от СМИ и обучения в школе до работы в Федеральном собрании).

Потребность в schriftdeutsch возникла параллельно с Реформацией в начале XV века и имеет логическое объяснение: библия, а затем и печатные издания, официальные документы и т. д., должны были быть поняты всеми, поскольку перевод их на разные диалекты немецких кантонов – задача невыполнимая. В то время как большинство немцев за пределами Швейцарии приняли

² «Большой плюс» против свастики. Швейцария во Второй мировой войне // <https://pandoraopen.ru/2015-05-11/bolshoj-plyus-protiv-svastiki-shvejcariya-vo-vtoroj-mirovoj-vojne/> (Дата обращения 01.04.2018).

high german в качестве своего разговорного языка, швейцарские немцы этого не сделали, а упорно продолжают использовать свои диалекты в частных и деловых разговорах, в школах и университетах [20. С. 40-46].

В настоящее время распространение швейцарского немецкого языка усилено такими факторами, как введение частных радио- и телевизионных станций, реформы в сфере образования [14]. Швейцарско-германская «диалектическая волна» распространяется сегодня на сегменты, зарезервированные ранее для стандартной версии немецкого языка (кантональные правовые акты и бюллетени, частные радиостанции) [20. С. 40-45]. Исследования показывают, что у германоязычных учащихся уже в начальной школе развивается негативное отношение к high german, которые воспринимают швейцарский немецкий язык как «свой», означающий близость, общину. Тогда как high german несет противоположные коннотации и воспринимается как «чужой», психологически отдаленный [20. С. 35-40; 21. С. 389-40]. Кроме того, некоторые наблюдатели утверждают, что швейцарские немцы (особенно младшее поколение) стали менее компетентны в стандартном немецком языке [13, 20].

Отсутствие попыток стандартизировать собственные этнолингвистические особенности как в масштабе германоязычной части страны, так и между различными локациями в пределах одного и того же германоязычного региона, привело к тому, что определение понятия «германошвейцарский» диалект сегодня более чем проблематично. С одной стороны, ввиду абсорбции и интернализации этнокультурных границ, германошвейцарский диалект ассоциируется с национальным сознанием и является естественным инструментом вербального общения. Для большинства германоязычных граждан конфедерации это недвусмысленно означает «быть немцем-швейцарцем» и «не быть немцем». Более того, не разделять одну и ту же этнокультурную категорию и все в большей степени говорить иначе, чем те немцы, которые живут за пределами Швейцарии. И как замечает Фредерик Барт, «неважно насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, — если они утверждают, что принадлежат категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпрети-

ровалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы А» [1].

В то же время из-за известной близости этих языков, из-за того, что германоязычные швейцарцы вынуждены владеть schriftdeutsch и на практике эти языки все еще в значительной степени запутаны, культурная граница между ними не является прочной и безопасной. Именно язык дифференцирует германоязычных швейцарцев от немцев, но тот же язык коммутирует их вместе.

Можно предположить, что такое национально-эксклозивное строение идентичности и привело к тому, что Зигмунд Фрейд назвал «нарциссизмом незначительной разницы» [7]. Несовпадение этнокультурных идентичностей предполагает наличие четких этнических границ, которые представляются прочными и неуязвимыми. При незначительной этнокультурной разнице граница от другой, этнически схожей категории видится хрупкой и ненадежной, что в конечном итоге провоцирует процесс непрерывной самодифференциации и стремление швейцарских немцев определить себя через то, чем они не хотят являться.

В связи с этим интересно отметить, что оборонительная стратегия швейцарских немцев не коррелирует с интеграционными настроениями жителей немецких приграничных районов - Баварией и Баден-Вюртембергом. Согласно исследованию, опубликованному в 2015 году в региональной немецкой газете Schwäbische Zeitung, на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы Бавария и земля Баден-Вюртемберг присоединились к Швейцарии в качестве новых кантонов?» 53% аудитории ответили «да, безусловно», 33% - «в принципе, да» и только 14% «нет», не желая инициировать конфликт с остальной частью Германии³.

Этнокультурное расположение франкоязычных швейцарцев по отношению к Франции целиком и полностью отличается от восприятия германоязычными швейцарцами Германии. Франкоязычные швейцарцы общаются и пишут практически так же, как французы во Франции, исключая некоторые швейцарские идиомы, которые легко распознаваемы. Потому большинство франкоязычных швейцарцев, не рискуя потерять свои этнокультурные атрибуты как источник внутренней консолидации, легко

³ Наша газета. Швейцарские новости на русском // <http://nashagazeta.ch> 29 мая 2018. (Дата обращения 11.04.2018).

принимают идею членства в расширенном культурном пространстве франкоязычных государств, сохраняя при этом патриотическую приверженность национальным политическим институтам и чувство «швейцарскости». Германоязычные швейцарцы, напротив, оказываются в своеобразной оборонительной лингвистической позиции по сравнению со своим северным соседом. Являясь частью более крупного немецкого этнокультурного пространства, они не принадлежат ему в полной мере: швейцарские немцы должны себя идентифицировать и дифференцировать в одно и то же время.

Еще больше осложняет ситуацию то, что швейцарско-германское общество должно идти по этому этнокультурному канату без политической поддержки и институциональной системы безопасности, поскольку этнолингвистические регионы Швейцарии не имеют политического и конфессионального выражения. Ближайшие политические единицы «вниз» - это кантоны. Большинство из них официально одноязычные и в соответствии с федеральной системой Швейцарии обладают почти всеми полномочиями в вопросах культуры и языка. Федеральное правительство при этом должно оставаться нейтральным в культурном и лингвистическом отношении, чтобы не подвергать опасности внутреннюю полиэтничную сплоченность Швейцарии [4. С. 5-10]. Как же все это влияет на швейцарско-германское отношение к европейской интеграции?

Результаты исследования

Известно, что в современной Швейцарии ни один политический спор в масштабах страны не имеет ярко выраженных этнокультурных мотивов. Поэтому и участники публичных дискуссий относительно возможности членства в ЕС крайне редко оперируют этнокультурными категориями. Однако это вовсе не означает, что вопросы, связанные с национальной идентичностью и языком утратили свою актуальность. Скорее риторика «евроскептиков» подменяется «работающими» темами опасности окружения, утраты идентичности, национальных ценностей и гражданской свободы. Такие страхи гораздо сильнее выражены у многих германоязычных швейцарцев, чем у их франкоязычных соотечественников и обусловлены культурной обособленностью швейцарских немцев от гораздо большего родства, к которому они, тем не менее, привязаны в этнокультурном отношении. Добавьте к этому еще и то, что в полиязычном регионе

немецкоязычный швейцарец не имеет политического и институционального подкрепления. Как особая этнокультурная единица, немецкоязычная Швейцария вынуждена отстаивать свое культурное своеобразие как внутри полиэтничной федерации, так и за ее пределами. Для швейцарских немцев их культурный регион - единственный источник объединяющего начала и внутренней консолидации, культурный регион - это все, чем они располагают.

Представляется, что такой подход облегчает понимание того, что побудило германоязычную часть швейцарского электората решительно отвергнуть идею евроинтеграции, членства в ЕСЗ, участия в иностранных миротворческих миссиях и т.п. В условиях балансирующего этнокультурного равновесия, которое сложилось внутри полиэтничной Швейцарии, германоязычные швейцарцы заняли безопасную нишу, где ничто не угрожает их собственной национальной идентичности и культурному своеобразию. Швейцарский немец настороженно относится к политическим шагам, которые потенциально могут нарушить это хрупкое равновесие, вытеснить его из своей ниши и лишит объединяющих начал. Неприятие швейцарским электоратом членства в ЕС является профилирующим проявлением этого страха.

Безусловно, полная картина неприятия германоязычным швейцарским электоратом членства в ЕС гораздо сложнее. Кантональные и локальные предпочтения в германоязычной Швейцарии, как и в целом по стране, заметно различаются: часть германоязычных кантонов настроена более категорично против членства в ЕС, другие - более оптимистично. Градация разногласий по европейской интеграции заметна между сельскими и городскими жителями конфедерации, левыми и правыми, богатыми и бедными, и т. д. [13. С. 570-575]. По какому сценарию могут развиваться дальнейшие отношения Швейцарии и ЕС?

Заключение

Как уже утверждалось выше, швейцарско-германское сообщество, чья этнокультурная граница стала более рельефной и более надежной, позднее может стать менее обеспокоенным обороной этих границ и менее категоричным в рецепции окружающего мира и европейских интеграционных процессов. Как правило, когда различия становятся менее существенными, «поскольку взаимодействие порождает конгруэнтность кодов и

ценностей» [1], «нарциссы незначительной разницы» перестают обнаруживаться. Но в то же время, оказавшись в своеобразной политической и культурной позиции, швейцарские немцы обрели сложное построение национально-эксклюзивной самоидентификации в рамках «государства без единой культуры» и «культуру без государства», что еще больше повышает вероятность политического изоляционизма.

Во-первых, «швейцарец-немец» не стал доминирующей категорией этносоциальной идентификации для большинства германоязычных граждан конфедерации. Их идентификация преимущественно остается расплывчатой по стране, между кантонами и общинами. Это, вероятней всего, исключает мощный импульс, ориентированный на этнолингвистическое тождество для всех

германоязычных швейцарцев в ближайшем будущем.

Во-вторых, если бы институционально поддерживаемые немецкоязычные регионы конфедерации потребовали прояснить этнолингвистическую ситуацию путем более четкой артикуляции языковых или конфессиональных границ в общенациональном масштабе, то для этого потребовалась бы такая радикальная конституционная ревизия, на которую швейцарское государство вряд ли решится. И, наконец, более плотная увязка унифицированного швейцарского немецкого языка с политическими структурами может нарушить балансирующее этнолингвистическое равновесие, которое многие исследователи, справедливо или ошибочно, связывают с благополучием швейцарской политической архитектуры.

Литература:

1. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы // <http://etnopolitika.narod.ru>.
2. Волгин О.С. Владимир Соловьев о значении государства // *Философские науки*. 2015. № 8.
3. Енгибарян Р. В, Караулова Ю.А., Селезнева В.В. Новoliberalизм и глобализм - родные сестры // *Право и управление*. XXI век. 2017. № 2.
4. Карсанова Е.С. Швейцарский опыт государственного управления и предупреждения этнолингвистических противоречий // *Научное обозрение*. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 5.
5. Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // *Полис*. Политические исследования. 2016. № 1.
6. Рубинштейн А.Я. *Общественные интересы и гражданское общество / Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. СПб., 2011.
7. Фарукшин М.Х. Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // *Социологические исследования*. 2016. № 5.
8. Фрейд З. О нарциссизме [К введению в нарциссизм] (1914) // <http://freudproject.ru>.
9. Anouk Lloren. Does direct democracy increase communicative responsiveness? A field experiment with Swiss politicians // *Research & Politics*. Vol. 4. 1 March 27, 2017.
10. Biela Jan, Hennl Annika, Kaiser André.. Combining Federalism and Decentralization Comparative Case Studies on Regional Development Policies in Switzerland, Austria, Denmark, and Ireland // *Comparative Political Studies*. Vol. 45. October 18, 2011.
11. Christof Demont-Heinrich. Language and National Identity in the Era of Globalization: The Case of English in Switzerland // *Journal of Communication Inquiry*. Vol. 29. Jan 1, 2005.
12. Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments // <http://www.ecmi.de>.
13. Grin F. "Für ein Bundesamt für Sprachen" // *Schweizer Monatshefte für Politik, Wirtschaft, Kultur*, Vol. 73. 1993.
14. Grin F. New Constitution? New Legislation? Language Policy in the "Swiss Exception" // <http://socialsciences.uottawa.ca>.
15. Hutterli S. Coordination of Language Teaching in Switzerland. Current Status – Developments – Future Prospects // <http://edudoc.ch>.
16. Karsanova E. Euroskepticism in a Swiss Style // *Право и управление*. XXI век. 2017. № 1(42).
17. Kuzelewska E. Language Policy in Switzerland // <https://www.degruyter.com>.
18. Pandolfi, E.M., Christopher Guerra, S., Somenzi, B. Multilingualism in Switzerland: Receptive Skills in Italian for Promoting Comprehension Between the Language Communities // <http://www.cil19.org>.
19. Poorest Countries: Evidence from a Quasi-experiment in Switzerland // *Journal of Policy Modeling*.
20. Siebenhaar B. *Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz* // Siebenhaar B., Wyler A. Zurich: Schweizer Kulturstiftung, 1997.

21. Sieber P., Sitta H. Deutsch in der Schweiz // Zeitschrift für Germanistik. 1987. Vol. 4.
22. Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Концепции и определения демократии: антология. М., 2006 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
23. Енгибарян Р.В. Многоликая демократия: время переоценки ценностей // Международная жизнь. 2017. № 9.
24. Yengibaryan R. The institution of presidency in the USA // Giornale di Storia Costituzionale. Volume 33. Issue 1. 2017.
25. Yengibaryan R. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior // Giornale di Storia Costituzionale. Volume 27. 2014.
26. Березко В.Э. Философское осмысление управления государством // Право и управление. XXI век. 2016. № 1 (38).
27. Сардарян Г.Т. Модернизм и католическая политическая доктрина // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1(52).
28. Сардарян Г.Т. Политические проблемы регионализации Италии. М., 2016.

ATTITUDE TO THE EUROPEAN UNION: THE RISK OF DISRUPTING THE SWISS SOCIETY

Introduction. *The processes that are going on now in Europe make a research of the social, cultural and political peculiarities of the Swiss electorate a timely issue due to their ambiguous attitude to the perspective of Switzerland joining the European Union.*

Materials and methods. *The research is based on the theoretical and empirical analysis of Swiss appropriate sources and literature by using the methods of historical, system and behavioral approach, that allowed us to define a causal relationship and differential signs of German-speaking Swiss community as a particular ethnic group, to display most important factors that make the greatest influence on this group in terms of their attitude to EU.*

The results of the research. *The Swiss electorate is deeply committed to the Swiss political institutions. The principles of neutrality, federalism and direct democracy are supported by all population of Switzerland irrelatively of their ethno-linguistic diversity. That is why many Swiss Eurosceptic argue that the membership in the EU is incompatible with political traditions of the Swiss Confederation. The repudiation of the EU membership is mostly peculiar to a great number of the German-speaking Swiss due to their political and cultural habits. On the contrary French-speaking Swiss mostly stay for joining the EU. We presuppose that a sufficiently high level of repudiation of the EU membership by the German-speaking Swiss can be explained by two main reasons: on the one hand, all Swiss belong to the state that has no general cultural (ethnic) attributes that make them more vulnerable to the institutional am-*

bitions of the EU, on the other hand, being German-speaking Swiss they belong to the ethno-linguistic and territorial unit which has no institutional support and vivid cultural articulation. Being squeezed from both sides by the political and linguistic factors the German-speaking Swiss electorate possess a latent feeling of vulnerability and a nation-exclusive type of identity, which is the reason of their Euroscepticism.

Discussions and conclusion: *the European Union wants to clarify the outlines of its relations with Switzerland. But the more resolute its political line becomes in this respect the more definitely the German-speaking Swiss electorate will perceive that this policy is a danger to their identity and the stronger their willingness to stay outside the EU will become. If we take into account that the German-speaking Swiss population is three times as big as the francophone Swiss population, Switzerland will apparently remain outside the EU in the foreseeable future.*

Elena S. Karsanova,
Doctor of Political Science, Professor with
the Department of Political Science, Financial
University under the Government of the Russian Federation

Oleg S. Volgin,
Doctor of Science (Philosophy), Associate
Professor with the Department of Public
Administration, MGIMO University under the
MFA of Russia

Ключевые слова:

Швейцария, швейцарский электорат, этнолингвистические группы, национальная идентификация, евроинтеграция, этнополитическая стабильность, евроскептицизм

Keywords:

Switzerland, Swiss electorate, ethno-linguistic groups, national identification, Euro-integration, ethno-political stability, Euro-scepticism

References:

1. Bart F. Vvedenie. *E'tnicheskie gruppy` i social`ny`e granicy* [Ethnic groups and social borders]. URL: <http://etnopolitika.narod.ru>.
2. Volgin O.S., 2015. Vladimir Solov`ev o znachenii gosudarstva [Vladimir Soloviev about the meaning of the State]. *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*. № 8.
3. Engibaryan R.V., Karaulova U.A., Selezneva V.V., 2017. Novoliberalizm i globalizm-rodnye sestry [New Liberalism and Globalism are Two Sides of the Same Coin]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2.
4. Karsanova E.S., 2012. Shvejczarskij opy`t gosudarstvennogo upravleniya i preduprezhdeniya etnolingvisticheskix protivorechij [Swiss experience of public administration and prevention of ethnopolitical contradictions]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarny`e nauki [Scientific Survey, Series 2, Humanities]*. № 5.
5. Mchedlova M.M., 2016. Sociokulturnye smysly politiki: novaya logika interpretacii i religioznye referencii [Sociocultural meanings of politics; new logic of interpretation and religious references]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political researches]*. № 1.
6. Rubinshtejn A.Ya., 2011. Obshhestvennye interesy i grazhdanskoe obshhestvo [Public interests and the civil society]. *Grazhdanskoe obshhestvo: zarubezhny`j opy`t i rossijskaya praktika [Civil Society: Foreign Experience and Russian Practice]*. St. Petersburg.
7. Farukshin M.X., 2016. Problema etnicheskogo golosovaniya v zarubezhnom diskurse [The problem of ethnic vote in the foreign discourse]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological researches]*. № 5.
8. Freud S. O narcissizme (K vvedeniyu v narcissism) [About narcissism]. URL: <http://freudproject.ru>.
9. Anouk Lloren, 2017. Does direct democracy increase communicative responsiveness? A field experiment with Swiss politicians. *Research & Politics*. Vol. 4. 1 March 27.
10. Biela Jan, Hennl Annika, Kaiser André, 2011.. Combining Federalism and Decentralization Comparative Case Studies on Regional Development Policies in Switzerland, Austria, Denmark, and Ireland. *Comparative Political Studies*. Vol. 45, October 18.
11. Christof Demont-Heinrich, 2005. Language and National Identity in the Era of Globalization: The Case of English in Switzerland. *Journal of Communication Inquiry*. Vol. 29. January 1.
12. Grin, F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments. URL: <http://www.ecmi.de>.
13. Grin, F., 1993. "Für ein Bundesamt für Sprachen" ["For Federal Department of Languages"]. *Schweizer Monatshefte für Politik, Wirtschaft, Kultur [Swiss Monthly Magazine of Politics, Economics, Culture]*. Vol. 73.
14. Grin, F. New Constitution? New Legislation? Language Policy in the "Swiss Exception". URL: <http://socialsciences.uottawa.ca>.
15. Hutterli, S. Coordination of Language Teaching in Switzerland. Current Status – Developments – Future Prospects. URL: <http://edudoc.ch>.
16. Karsanova E., 2017. Euroskepticism in a Swiss Style. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1(42).
17. Kuzelewska E. Language Policy in Switzerland. URL: <https://www.degruyter.com>.
18. Pandolfi, E.M., Christopher Guerra, S., Somenzi, B. Multilingualism in Switzerland: Receptive Skills in Italian for Promoting Comprehension Between the Language Communities. URL: <http://www.cil19.org>.
19. Poorest countries: evidence from a quasi-experiment in Switzerland. *Journal of Policy Modeling*.
20. Siebenhaar B., 1997. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz [Dialect and Real German Language in German-speaking Switzerland]. *Siebenhaar B., Wyler A. Zurich: Schweizer Kulturstiftung [Zurich: Swiss Cultural Fund]*.
21. Sieber P., Sitta H., 1987. Deutsch in der Schweiz [German Language in Switzerland]. *Zeitschrift für Germanistik [The Magazine of German Researches]*. Vol. 4.
22. Torkunov A.V. Rossiiskaia model' demokratii i sovremennoe global'noe upravlenie [A Russian Model of Democracy and Modern Global Governance]. *Kontseptsii i opredeleniia demokratii: antologiya [Concepts and Definitions of Democracy: Anthology]*. Moscow, 2006. Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.

23. Engibaryan R.V., 2017. Mnogolikaya demokratiya: vremya pereocenki cennostej [Multifaceted Democracy - It's Time to Re-Evaluate Values]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. № 9.
24. Yengibaryan R., 2017. The institution of presidency in the USA. *Giornale di Storia Costituzionale* [The Journal of Constitutional History]. Volume 33. Issue 1.
25. Yengibaryan R., 2014. Ethnicity and citizenship as key factors shaping human personality and behavior. *Giornale di Storia Costituzionale* [The Journal of Constitutional History]. Volume 27.
26. Berezko V.E., 2016. Filosofskoe osmyslenie upravleniya gosudarstvom [Philosophic Comprehension of Governing a State]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration]. № 1 (38).
27. Sardarian G.T., 2017. Modernizm i katolicheskaia politicheskaia doktrina [Modernism and Catholic Political Doctrine]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Herald of MGIMO-University]. № 1(52).
28. Sardaryan G.T., 2016. Politicheskie problemy regionalizacii Italii [The Political Problems of Italy Regionalization]. Moscow.